***

Есть преступления хуже,
чем сжигать книги.
Например – не читать их.
Рэй Брэдбери

Фаренгейт – 451,
Самогон – 40?!
Царство звёздных машин,
Честных коморок.

В чём отличие, друг,
Не понять сразу.
Книги – это недуг,
Набекрень разум.

Та эпоха не в счёт –
Не суди строго.
Не читает народ
Льва и Толстого.

Кто не спился с ведра,
Плюх в телевизор.
Налетай, детвора –
Рекламный визор!

«Ох, где был я вчера», –
Не вспомнить сразу.
Выдаю на-гора
Поэм заразу.

Не читают и их –
Зырят с прищуром.
Отказался мой стих
Слыть трубадуром.

Вот зашхерится он.
Без самогона!
Наступает дракон –
Чья-то колонна.

Жжёт тебя изнутри
По Фаренгейту.
Или мы дикари,
Или по Фрейду…

Что ж, ещё в тамаду –
Басню какую?
Словно в райском саду,
Яблоки ворую…
***

***

Врач. Кабинет 22.
Лазер в глаза и слёзы.
Быть может, божья роса
Иль какие-то грёзы.

Свет изнутри и рубцы –
Всадник, Апокалипсис?
Доктор схватил под уздцы
Век моих рваный ситец.

Свет Человеков?! Христос?!
Голос внутри и трубы.
Увы, всё тот же вопрос
Вскользь сквозь лживые губы.

Свет изнутри. Микроскоп.
Порох в глазу. Больничный.
Всадники это или Потоп –
Фокус несимметричен.

***

Полил капусту и шпинат,
Полил жуков из Колорадо.
Картофель будет в семь карат,
И перца пьяная ламбада.

И мы под эту плясовень
Пожарим мяса без обмана.
Костёр, как вечный бюллетень,
Костёр – он тоже полстакана.

Душа растёт, как деревца,
Бурлит и куксится сопливо.
Был метр и тут же из ларца
Веснушки «Белого налива».

Не вдруг такие чудеса –
У нас тут грядки не ватрушки.
Ты встала в пять, как та роса,
Когда не квакали лягушки.

***

Намедни шёл домой по кожурям.
Был на реке, купался на досуге.
За мною внук, вестимо, по пятам
Как Сивка-бурка в жилистой кольчуге.
Там, где была аллея тополей,
Дома вросли заборами от пуза.
Гляжу, берёзки пилят у дверей
С верхов и прям до корня Иисуса.

А он как будто, руки разбросав,
Гвоздями обозначил рубиконы.
И каплет кровь на правильный устав –
Туда, где промышляют почтальоны.
В чём виновато дерево, друзья?
Берёза, тополь – это не крапива.
Пишите письма прямо в небеса,
В объятья внеземного объектива.

Учтут там всё: и голос, и размер…
Учтут там все грехи и перекуры.
Когда-нибудь условный Робеспьер
Открыжит ваши чалые фигуры.
Директор вы или какой жиган –
Ответ держать придётся и соседу.
Вас вызовет какой-нибудь сержант
На тихую воздушную беседу.

И зададут не в бровь, а прямо в глаз
Вопросик, подходящий по формату:
«А сколько вы, товарищ, в этот раз
Берёзок посадили на зарплату?
А сколько порубили второпях,
Косясь на отдыхающих атлетов?»
Иду я с речки, а на тех гвоздях
Сгорает самый лучший из поэтов.

***

Когда ты пьян, мир по-прежнему где-то рядом,
но он хотя бы не держит тебя за горло.
Чарльз Буковски (Хэнк)

Мёртвые здесь: алтарь, шелома.
Мёртвые с нами в полянах горбатых.
Красная горка или Фома –
Сколько сегодня голов не распятых.
Священник кажет, над ним Христос
Живых проверяет радостной дланью.
Красная горка, Фомы вопрос –
Колоколами и над Лебедянью.

Радостным в радость. Мёртвым – ну что ж.
Познать такое не значится всуе.
Голов тех павших спелая рожь
На всех небосводах и в аллилуйе.
И я такой – глаголящий перст –
Взалкаю у ног самого Предтечи.
Быть может, и он с нашенских мест –
С Дона какого-то или же Ме́чи.

А за спиной Мадонна в парче –
Это вторая моя половина.
Сколь ещё нашей брачной свече
Благодарить Бога, Духа и Сына?!
Как подгадать, чтоб вместе на стол,
На табуретки, что в церкви у входа.
Вынесет завтра мне приговор
Тех мертвецов опоздавшая рота.

Знаю, отмолишь, знаю, простишь,
Я опоздал и туда, и обратно.
Вновь носы моих стоптанных лыж
Образ целуют – лишь твой – троекратно.
Хэнк приходил – прогнал его в ночь,
Звал он меня поплясать на болоте.
Хэнк – он не демон, брошенный скотч
На полупьяном вонючем перроне.

Я его в шею, я его в кость –
Снова пытался тоску нахлобучить.
Это он может: пиво и злость…
А мне нужны кеды, берег и кручи.
Как бы на старт вернуться, Отец,
Чтобы опять накатить поутряни!

Эти кроссовки, Фома Близнец
В наших свечах и по всей Лебедяни.

Так и стоим у Предтечи в швах,
Смотрим в глаза его мы виновато.
Эту икону один монах
Навечно свил балаклавским канатом.
Ведь голове без тела нельзя,
Телу тому без неё неуютно.
Вот и мои слепые глаза
Второй половине вшили как будто.

Зрит меня она сразу насквозь,
Как Богородица та у амвона.
Знать, оттого так сладко жилось
Без полиграфа и без телефона.
Снова под кожу лысый мороз,
Снова просвечен сверлом окулиста.
…Красная горка! Фомы вопрос –
К этому грешнику и футболисту…

****

Краска, она как кровь!
Ещё один труп надысь.
Круг почёта не в бровь,
Кто сколько сможет… Крестись!

Рядом в кильдиме – мат,
Опять святых выноси.
Бабе той дать халат
И причиндалы козы.

Чтоб научилась вспять
Хозяйство то за сосцы,
Чтоб вернулась опять
С далёкого под уздцы.

А я смотрю в него –
В парня, которого нет.
Знал он прежде всего
Турник и велосипед.

Сколько ещё таких
Портретов напишет Бог?
Спросить этих святых,
Сошедших на мой порог.

Кто на подходе, Спас,
Присядет у тех костров?..
И в дым рикошетит глаз –
Краска, как кровь… Покров!

Красит маляр столбы…
«По что мне такой свинец?» –
Спросит он у судьбы –
Того трупа отец.

14.10.2025

***

Лес рубят – щепки летят!
И как распознать, кто щепка?
Немец ты или бурят,
Или какая соседка?

Выдюжим мы – не впервой!
Скрипит борона исходов…
Шарик ты наш, голубой,
А не тюряга народов!

Щепка! Уж в дебрях коры –
Аборигенские тучи.
Ныряют в тартарары,
Как псы, пиджаки от Гуччи.

Что это – новый улов,
И Ной аккурат в дозоре?
От белых воротничков
Чернеет синее море…

Куда теперь, адмирал,
Где разбинтуешь поводья?
Ответит тот аксакал:
«Русь – тот причал! Беловодье!»

12.06.2024

***

Посадил две сливы по душе –
От соседа прикопал беглянок.
Он спилил, вестимо, на меже
Чью-то мать – одну из итальянок.

Говорил, что встанет здесь забор,
Но, однако, обманул полундру.
Не забор, а форменный позор –
Сетку-рабицу сварганил за секунду.

Ей бы рыбу в Астрахани бдить –
Для курей всего лишь передряга.
Этих клуш цепляет за кадык
Сливы той вихрастая коряга.

ВАЛЕРИЮ ЮСОВУ В ДАНКОВ

Мишка, Олег, Алексей –
Те казаки в обозе.
Лишь Юсов, как суховей,
Первый в стихах и прозе.

Ему плевать на калым –
Нота дороже злата.
А серебро, словно дым,
То серебро – лампада!

Привет, Валера, мой друг –
«Дом у берёз» не вечер.
Гитара твоя, как лук,
Давит цевьём на плечи.

Не вдруг, на все времена,
Так, чтоб струной в «Тачанку».
«Штык», «Сталинград» и «Волна»
Чалят твою кубанку.

Она не Врангеля песнь,
Не Котовского тяпка –
Полей Куликовых весть
И берендеев тальянка.

Где утонуть или в ров,
Где подстелить соломы?
И слово твоё: «Данков!»
Как той «Берёзы» хоромы.

ЕВПАТИЙ КОЛОВРАТ

Григорию Борисовичу Осипову

Нет ни сна, ни покоя
От морей до Карпат.
С нами имя такое –
Евпатий Коловрат!

Снова палицей машет,
Снова стрелы в каскад.
Среди сумрачных стражей
Его вечный отряд.

Туляки и рязанцы,
И какие из рас.
Оттеняет те глянцы
Благородный Кавказ.

Вместе мы за колчаны.
Вместе мы за ножи,
Будь вы хоть великаны
Или их калаши.

Русь стоит и стояла,
Русь она как душа!
От Карпат до Арала
Коловрата межа.

Ты ушёл, мой надёжа,
Этих стрел Ратибор.
Ты, Григорий, как ноша –
Древнерусский топор.

Тебя знают в Рязани,
Тебя любят в Москве.
И у нас, в Лебедяни,
Ты в моей голове.

Коловрат нас сподобил,
Коловрат он как щит.
Ты вонзил свои стопы
Во шело́мы орбит.

15.01.2026

***

На Востоке две звезды
Светят мне, как будто с грустью.
Протянуть бы к ним мосты
Между Родиной и сутью.

Суть такая: манит нас
Та звезда Кассиопея.
Манит Солнце, манит Марс –
Вот такая одиссея.

Долететь бы до Луны
На малиновой трещалке.
Сели-встали… До весны!
Тренируемся на палке…

Палка эта, как кровать,
Или ступа, или прялка.
«Нам же нечего терять», –
Напророчила русалка.

И туда, за ней, во мглу,
Ломануться все без счёта.
У Кощея на бегу
Кости вместо самолёта.

И Яга, и Леший с ним,
Все туда летят бичами.
И какой-то пилигрим
Пробирается ночами.

Сон тот в руку, стало быть,
Если есть в моторе радость.
Мне бы топлива налить –
У Замятина осталось.

«Интеграл» он тоже здесь,
Лебедями машет в крышах.
Сели-встали… Сила есть!
Или с Воландом на лыжах.

Сей булгаковский гонец
Знает нас не понаслышке.
Сели-встали… Пять колец!
Ненаписанные книжки…

ЖЕНЕ

Земля и Библия лечат
От Хэнка и прочих бед.
Ему я скажу при встрече,
Вскарабкавшись на тот свет.

Втыкаю штык-нож лопату,
В руки – Завета кирпич.
Взалкает моя лампада,
Дряхлеет тот паралич.

Увы, становлюсь добрее,
А может быть, это шанс:
Стать горячей и мудрее,
Как нашей любви романс.

Если начать всё сначала –
От самой первой луны,
Я подниму забрало
До нашей вечной весны.

Жена, ты моя до гроба,
И после всё будет флаг.
Пускай меняется мода
В мохеровых свитерах!

БАСНЯ О КОТАХ С ПИСТОЛЕТАМИ...

1

Была у него «девятка» -
Была у него палатка:
Удобная... Цвет - малина.
Машина! Машина! Шина!
Пришёл он однажды в стойло
(С виду железно, спокойно),
Увидел, что нет коняшки, –
Украли ту барабашки.
Пошёл он тогда в участок,
Где есть козырёк, порядок:
Писал бумагу нелепо,
Как будто пулею в небо...
Котяры моргали нервно:
«Ты, брат, пришёл к нам неверно,
Езжай ты, милок, туда-то,
На ту, на другую, хату».
И дали понять неложно,
Что что-то отдать он должен.
Вложили мило, нестрого:
«Такса, заместо налога».

2

«Позвольте», – взмолился конник, –
Ведь я же не уголовник:
Плачу я тому комбату
Законную госзарплату;
Снимет с меня государство
На то, на это мытарство,
И я вам не шиш-мечтатель,
А мелкий предприниматель».
Котяры пукнули: «Мало», –
Задом уткнувшись в сало, –
В стул, вороной, сигаретный,
Ослабив ремень пистолетный.
И так затрясли вельможу:
В мать... и в кулацкую рожу.
Бочком удалялся конник,
Пока ещё не покойник.
……
Байка та из девяностых,
Годов проворных... серьёзных.
Котяры те трут шкатулки
На пенсии. Сало им в булки!

1997

***

У Пушкина был пистолет,
Лермонтов тож в пристреле…
У Грибоедова – комплект,
Есенин в Англетере.

Маяковскому дали кольт,
Чтоб тоже того – с кучи.
Не кидайте на рану соль,
Раны мое тягучи.

А кто был до них, кто потом –
Куль, вервие, железо…
За кем-то придут с молотком
Апологеты Дантеса.

***

Фотки… Спортсмены не в рост.
И старый, как лунь, пейзаж.
Кто-то уж лёг на погост,
А кто-то в пятый этаж.

Вот он намордник-кляп.
Какой-никакой – ковид.
Средь нафуфыренных шляп,
Мелькает и твой болид.

Мяч! Пацаны как один.
С краю – увядший дружбан.
Где-то среди осин
Прилёг он на свой чемодан…

***

Футбол сегодня – Сенегал!
Французы – шайка футболёров…
Мбаппе, Мане, а где амбал
Из наших местных Эдегоров?
У нас был тоже свой Пеле,
И Марадона был с района.
И Ривелино на селе
Был представителем завкома.

Их было десять – честь и соль –
Команд с брегов Мечи и Дона.
На Сахзаводе – свой король,
А в Черепяни – оборона.
Свой Беккенбауэр, Стрелец,
И даже Месхи без зарплаты.
Там был, вестимо, мой отец –
Ещё ни разу не распятый.

Он молодой в шеренге той,
Тарзан с ним рядом и Маркела,
Володя Зайцев боевой,
Как доморощенный Акела.
Он был надёжен, словно штык,
Он был чистильщиком на бровке.
Гремел над полем его стих:
«Хвала игре и тренировке!»

На этой фотке нет Мбаппе,
И нет Мане из Сенегала.
Там мой отец, и в той толпе
Нет ни Иуды, ни шакала.
Прошли года, они пришли,
Когда мы вкруг играли в прятки.
Их волосатые мослы
На наши честные зарядки.

Ушли Володя и Маркел,
Ушли отец и парни с фотки.
И это, братцы, не расстрел,
И не дыханье подлой водки.
Теперь другие на коне,
Жизнь покатилась, словно бусы.
Мбаппе забил, а у Мане
Исчезли бронзовые бутсы…

Автобус пуст, как кошелёк.
Поминки наши, как подлодка.
Парней тех нет, им невдомёк:
Зачем мне сморщенная фотка?
Она мне книгу расчехлит –
Орлы, «Орлёнок» и торсида!
И мой отец, как пятый винт
В цепочке «Красного болида».

О, этот славный «Машзавод» –
Команда молодости нашей!
О ней писал «Советский спорт»,
И аплодировали: «**Russia!**»
Пускай другим, а этим тож
Рукоплескало полрайона:
Страна болидов и калош,
Страна Есениных и шмона.

И каждый здешний хлебороб
На стадионе, средь скамеек,
Конкретно знал, что он народ
В эпоху рваных телогреек.
И никаких Мбаппе, Мане –
Был Бышовец и дядя Стёпа.
Скакать на розовом коне
Мечтала каждая Европа.

Мы не скакали, мы неслись
В Гагаринской трубе-ракете.
И каждый здешний тракторист
Был стержнем в этой эстафете.
Желтеют фотки, глохнет SOS,
Но я уверен, что когда-то
Они вернутся, как Христос,
Нам на мобильники, ребята.

СОБАКА

Собаку схватил босота
И туда, в раскоряку.
Мы звали его Володя –
Не мужика… Собаку!

Вдогонку парочку шкетей
Спецмашина всосала.
Были мы все на обеде,
Хотя – этого мало.

«Заткнулся ты как салага», –
Совесть кольнула в душу.
Позвольте, я ж не дворняга,
Бывает, и я трушу.

Однако на перекуре,
Средь баронов и леди,
Глядь, наш Володя вприщурку
И кургузые шкети.

Облава осталась с носом,
Иль амнистия следом?
Все мы задались вопросом,
Улыбаясь при этом.

Кто они нынче? Роднульки!
Как щенки приграничья!
На ужин – сало им в булки
И мослов для приличья.

А впрочем, почто не в стельку
Пред двадцать первым веком?
Быть может, через недельку,
И псу быть человеком.

Замятин и Брэдбери, кстати,
О том сделали книжки.
Чем, в белых брюках иль платье,
Собака хуже мартышки…

***

Лень загрызла и быт.
Будто облезлый кит.
Как бы взлететь на пробежку
Незаколпаченной решкой?

В лебедь или гусём,
Иль в подсак карасём!
Дайте парнишке свободу
И немертвецкую воду.

Кеды лень шнуровать,
Прыгает трын-кровать.
А мне бы с приседа десять
И на пятак куролесить.

Лень загрызла в гранит.
Где ты, мой Айболит?
Дай мне к спортивной походке
Зубодробительной водки.

Одну хлобыстну влёт,
Вторую за ней в пот.
А третью? А третью в печку –
В бензоколонку и свечку.

День насмарку, друзья.
Зачехлили ферзя.
Наружу молчат кроссовки,
До завтрашней рокировки…

***

Кто-то танцует море,
Кто – снеговою брошь!
Я же люблю в миноре
Липкий осенний дождь.

Напропалую чешет
Он из патлатых туч.
Чёт сегодня иль нечет –
Ваш прогноз невезуч.

Гидрометцентр, однако,
Говорит о другом:
Словно в пустыне – жарко,
Небо – кровь с молоком.

Рухнули быт и планы,
Рядом торчит кровать.
Лягу я на каштаны
Библию почитать.

Там всё предельно ёмко,
Что от чего и зачем…
Снова в мозгах позёмка
От дарвинских теорем.

***

Ловил он шайбы-кирпичи –
Штук пятьдесят, как в тире.
И за какие калачи
Такое харакири?

Вратарь, конечно, не верблюд,
Но на него похожий.
Его шпыняют, его бьют –
Местами и по роже.

Защита гнётся и скрипит,
Рубаха потом плачет.
Здесь у столичных аппетит,
И не могёт иначе…

Они там думают: «Ура!»
(Мечтать не вредно в Бозе.)
Вращают, лупят вратаря,
Как мерина в колхозе.

А он, братишка, на курорт,
А он на выход в кони.
Он вас, ребята, в антрекот
Возьмёт и похоронит.

Вам не забить, а мы момент
Расхорохорим в клюшку.
И каждый честный джентльмен
Потянется в теплушку.

Там дым столбом и помидор,
Там шашки, как стаканы…
И наш вратарь, как Святогор,
Зализывает раны.

***

В футбол играют везде
И в Питере, и в пампасах.
Кто-то пылит в борозде,
Кто, как Пеле, в лампасах.

И мы по почти что в засос
С мячом встречались у бровки.
Он мог запузырить в нос
В самом конце тренировки.

Футбол, вестимо, не бокс!
И не балет декадентский!
На свитере Берти Фокс
И Пауль Брайтнер немецкий.

Кумиры стары как мир,
И был Марадона следом…
И значился бомбардир
Моим хорошим соседом.

С утра он брал стадион,
Потом на работу – перцем.
И мышцев его бетон
Болелы ловили сердцем.

3:0! И пиво рекой!
3:0! Уж несут кого-то…
А он идёт молодой –
Не на плечах, а шведой –
В курушинские ворота.